

УДК 94(470.53):316.7

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-88-97

СТРОГАНОВЫ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ «СТРОГАНОВСКОГО» РЕГИОНА

И. К. Кирьянов, В. Я. Призюк

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
ikiryanov@yandex.ru
vetal_prizuk@mail.ru

Рассмотрены основные представления о роде Строгановых в памяти жителей исторического «строгановского» региона. Теоретической рамкой для анализа выступает концепт символической политики, а источниковую базу исследования составили материалы экспертных интервью и опроса «Наследие рода Строгановых в современном мире». Начиная с 1990-х гг. Строгановы включены в процессы становления новой региональной политики памяти: были проведены выставки и научные конференции, посвященные им, созданы общественные организации под их именем, организованы культурно-массовые мероприятия. На протяжении трех десятилетий Строгановы занимали лидирующее место в региональной политике памяти, но к практическим результатам в области формирования имени Строгановых как бренда это не привело. В то же время в коллективной памяти жителей «строгановского» региона о Строгановых в большинстве своем закрепился яркий положительный образ, с которым связывается будущее развитие региона. Методами экспертных интервью с лицами, работающими в сфере сохранения исторического наследия, и авторского опроса жителей «строгановского» региона удалось выявить разницу в восприятии Строгановых: старшее поколение, в отличие от молодежи более информированное и заинтересованное в изучении истории этого рода, в большей степени связывает с его наследием перспективы развития своей территории. При этом лица, заинтересованные в продвижении имени Строгановых, действуют разрозненно. Основную роль в формировании строгановской идентичности играет краевая власть, которая пока не выработала единой политики в данном вопросе.

Ключевые слова: Строгановы, «строгановский» регион, политика памяти, коллективная память, региональная идентичность.

Если в 1990-е гг. регионалистские настроения в субъектах Российской Федерации могли реализовываться в так называемом «параде суверенитетов», то в 2000-е гг. они выразились в поисках региональной идентичности и своих культурных героев. Не остался в стороне от данного процесса и Пермский край.

В этой связи можно вспомнить губернаторские усилия О.А. Чиркунова, направленные на превращение Перми из «столицы Западного Урала» в «культурную столицу Европы». В отношении исторических городов Прикамья П. Кобер, анализируя итоги пресс-тура, организованного краевым Министерством культуры в 2019 г., констатировал, что и они «ищут культурный код, который бы не только привлек туристов, но и помог с самоидентификацией в современном мире» [Кобер, 2019]. Что касается культурного героя, олицетворяющего Пермский край, то можно говорить о лидерстве рода Строгановых среди претендентов на данную позицию. Об этом свидетельствуют второе место после В.Н. Татищева в опросе жителей региона 2008 г. (вопрос «С какими, на ваш взгляд, историческими событиями, историческими и литературными персонажами связана жизнь Пермского края?»), первое место в конкурсе 2009 г. «Имя Перми Великой», третье место после П.А. Соловьева и С.П. Дягилева в голосовании за выбор наименования нового терминала пермского аэропорта на сайте «Управляем вместе» в 2017 г.

Симпатии пермского сообщества к Строгановым во многом объясняются тем, что представители данного рода уже в начале 1990-х гг. оказались включенными в контуры обновляющейся региональной политики памяти. Так, в 1992 г. Пермской художественной галереей была организована выставка «500 лет рода Строгановых, меценатов искусств», открытие которой совпало с проведением научной конференции «Строгановы и Пермский край». В рамках конференции В.В. Мухиным было предложено понятие «строгановский» регион. Университетский

историк определил, что ядром такого региона были «строгановские уральские вотчины», при этом зона «влияния “строгановского” региона была достаточно широкой. Она распространялась практически на все или почти все Прикамье, включая и его центр – губернский город Пермь, куда некоторые культурные традиции и влияния пришли как раз из “строгановского” региона» [Мухин, 1992, с. 10].

В последующем содержание данного понятия было дополнено и развито другими исследователями. В частности, Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук говорили о «строгановском мире» как об уникальном явлении в истории России уже на стадии его формирования [Головчанский, Мельничук, 2005, с. 8], а для А.В. Иванова на «левостороннем Урале», «в строгановском регионе, сформировался свой вариант “горнозаводского человека”. <...> Люди “строгановского типа” умели красиво петь “по крюкам” и писать иконы, не отлынивали от любой работы и вообще занимались “душеполезными делами”. Они могли сберечь и умножить достаток – но не умели, даже подыхая, все равно вырывать фарт у судьбы из зубов». По его мнению, через Строгановых «традиционный жизненный уклад крестьянский Руси трансформировался в специфический горнозаводской порядок» [Иванов, 2014, с. 95].

Теоретической рамкой для анализа в настоящей статье выступает концепт *символической политики*, под которой один из ведущих ее исследователей, О.Ю. Малинова, понимает «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова, 2017, с.14]. О.Ю. Малинова предлагает следующую систему понятий, позволяющих интерпретировать практики символической политики, обращенные к прошлому, замечая при этом, что политика «работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. Причем она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, то есть с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью» [Малинова, 2018, с. 32]. Наиболее широкой категорией является *политическое использование прошлого*, под которым понимаются «любые практики обращения к историческому прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию» [Малинова, 2018, с. 33]. *Политика памяти* рассматривается как «совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, т. е. “политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого”», в свою очередь *историческая политика* выступает частным случаем политики памяти, которую О.Ю. Малинова предлагает трактовать как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования». В создании же символического «репертуара» коллективной памяти (нарративов, образов, знаков, закрепленных в социально-культурной инфраструктуре) участвуют акторы, располагающие ресурсами для публичной артикуляции идей (политики, писатели, кинематографисты, художники, журналисты и другие профессиональные группы) [Малинова, 2018, с. 33–34]. Важной целью символической политики является конструирование идентичностей, в этой связи она пересекается с политикой идентичности, под которой, опять-таки вслед за О.Ю. Малиновой, понимается «совокупность практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности» (Малинова, 2017, с. 10).

В настоящем исследовании предпринята попытка проследить взаимодействие политики памяти и коллективной памяти пермского сообщества в отношении рода Строгановых, в определении места его в «символической репрезентации самости» [Назукина, Сулимов, 2008, с. 159] Пермского края, прежде всего в «местах памяти», связанных с этим родом. «Места памяти», вслед за П. Нора, понимаются в широком смысле – как «*Lieux de memoire*» – место в географическом, временном или символическом пространствах, в которых память укоренена в «жесте, образе и объекте» [Нора, 1999, с. 20]. В нашем случае это конкретное поле – символ коллективной идентичности – «строгановский» регион (актуальным изображением территории этого региона стала карта «Соль земли – наследие династии Строгановых в Пермском крае», выпущенная Туристическим информационным центром в 2019 г.¹, ограничивающая данную

территорию на севере с. Пыскор и г. Усолжье, на северо-западе – с. Кува и г. Кудымкар, на юго-западе – г. Очер и с. Большая Соснова, на юге – г. Оханск и г. Пермь, на юго-востоке – с. Кын, на востоке – г. Лысьва).

Основу источниковой базы исследования составили результаты экспертных интервью и опроса «Наследие рода Строгановых в современном мире». Эти материалы позволяют выяснить, что люди могут сказать о Строгановых, демонстрируя тем самым личный опыт соприкосновения с памятью об этой династии. Коллективная и историческая память, согласно Л.П. Репиной, отражает историческое сознание как связующее звено: «Поскольку реально функция памяти принадлежит индивиду, а все остальные ее приложения – это просто метафоры, ясно, что коллективная память заключена не в "местах памяти", а в способных исторически мыслить индивидах, которые, разумеется, могут быть, но могут вовсе и не быть историками» [Репина, 2011, с. 482]. Коллективная память в таком понимании – не только конструкт, создаваемый специалистами, но и коллективный продукт, в авторское производство которого вовлечены и обыватели. Таким образом, при исследовании наследия рода Строгановых и той памяти, которая о них сохраняется, следует рассматривать не только «места памяти» сами по себе, но и представления людей, которые здесь живут, являясь и носителями памяти, и ее творцами.

Интервьюирование охватило 12 экспертов, представляющих «строгановский» регион и занимающихся сохранением исторической памяти, историческим просвещением. Опрос проводился среди жителей Пермского края в течение 2016–2018 гг., общая выборка составила 744 чел. В ней выделены две возрастные когорты: первая – от 14 до 30 лет (категория «молодежь» определена в соответствии с Постановлением ВС РФ от 3 июня 1993 г. «Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации»), в которую вошли обучающиеся в средних и высших учебных заведениях Пермского края (всего 456 чел.), вторая – старше 30 лет (всего 288 чел.). Опрос проводился методами рассылки по электронной почте, гугл-опроса, в местах высокой проходимости людей – в музеях, на общественных мероприятиях.

Строгановы в региональной политике памяти

Несмотря на то что в советские годы Строгановы фактически находились вне политики памяти, более ранние пласты исторической памяти не были вытеснены полностью. Так, О.В. Игнатьева и О.В. Лысенко обратили внимание на то, что в постсоветский период в «символическом пространстве Перми городскими и региональными властями предпринимались наиболее активные попытки формирования новой пермской идентичности. Причем основное направление политики “нового символизма” задавалось общероссийской политической конъюнктурой – легитимацией дореволюционного прошлого с примесью реабилитации предпринимательства. Именно тогда были возведены памятники Татищеву, Славянову, Попову, Гралю, начали возрождаться забытые доктрины “пермскости”, связанные с деятельностью Строгановых, Мешковых, религиозных деятелей» [Игнатьева, Лысенко, 2013, с. 112].

Актуализации пермской идентичности, связанной с историко-культурным наследием Строгановых, способствовала целая серия мероприятий. В 1992 г. был образован международный Строгановский благотворительный фонд. В 1998 г. был учрежден клуб промышленников и финансистов «Строгановский». В 2005 г. Пермское землячество учредило общественную награду – Строгановскую премию. В 2016 г. в поселке Павловский был установлен первый в России памятник представителю рода Строгановых.

Особую роль в коммеморации рода Строгановых сыграла премия Пермского землячества. Изначально созданная как корпоративная и развлекательная с комичными номинациями («самому сильному», «самому мудрому» и т.п.), уже на второй год она стала приобретать серьезные очертания. В этой связи один из организаторов премии, Е.С. Сапиро, отметил позицию А.В. Кузьяева, «большого поклонника династии Строгановых», который и предложил заменить «несерьезные номинации и награды – серьезными в уже укрепившейся российской валюте и назвать победителей Лауреатами Строгановской премии» [Сапиро, 2016, с. 18]. С 2006 г. премия вручается ежегодно, а ее лауреатами в номинациях «за честь и достоинство», за достижения в науке, экономике, культуре, спорте и общественной деятельности стали более 80 чел.

Можно ли Строгановскую премию считать инструментом актуализации идентичности? С одной стороны, это премия не государственная, не имеющая официального статуса. С другой стороны, данный опыт по-своему уникален: премия, которая присуждается общественной орга-

низацией, является признанной и уважаемой в пермском сообществе. Ежегодно номинантов на нее выдвигают как общественные организации, так и властные институты, в интернете проходит активное голосование. На каждой церемонии награждения демонстрируется видеоролик с историческим экскурсом о династии Строгановых, а лауреатам вручается статуэтка с изображением Аники Строганова. Со сцены неоднократно звучали речи о «строгановском характере» лауреатов, продолжении «строгановских традиций», восприятию Пермского края как центра строгановских земель. Все это оказывает влияние на формирование идентичности и ассоциирование пермяками себя со Строгановыми. Без этого инструмента род Строгановых вряд ли бы победил в 2009 г. в конкурсе «Имя Перми Великой», особенно с учетом того обстоятельства, что действовавший губернатор Пермского края О.А. Чиркунов презентовал вариант с меценатом Н.В. Мешковым. Правда, по итогам конкурса не была предложена модель по развитию бренда.

Спустя десятилетие, в феврале 2018 г., на научно-практической конференции «Экономика и культура: традиции и перспективы», проведенной на базе Пермской художественной галереи, заместитель министра культуры Пермского края А.Р. Протасевич расставил новые акценты на отношении региональной власти к Строгановым: «Во многих развитых странах мира к концу XX века в отношении к культуре стал преобладать инструментальный подход, при котором культура рассматривается как ресурс для решения прагматичных экономических задач. <...> галерея предлагает нам обратиться к истории людей, с которыми во многом было связано формирование социально-экономического потенциала Прикамья, – к наследию Строгановых. И это – взгляд в будущее на основе собственной великой истории»². А директор галереи Ю.Б. Тавризян отметила, что драйвером развития Пермского края должна стать история рода Строгановых³.

Однако в рамках «инструментального подхода» в Пермском крае сделано не так уж и много. Появились улицы в честь Строгановых в Усолье, Очере, Кудымкаре, Добрянке, но нет такой улицы в краевой столице. Имеются филиал Строгановской академии в Кунгуре и филиал Строгановского колледжа в Большой Соснове, но это далеко не самые крупные образовательные учреждения. В Пермском крае не закреплено официально каких-либо специальных дат, связанных со Строгановыми, а таковыми могли бы быть или год начала похода Ермака, или год начала освоения прикамских земель Строгановыми, или год жалованной грамоты Ивана Грозного Строгановым на владение землями в Перми Великой.

Между тем инструменты коммеморации, связанные с родом Строгановых, могут быть эффективно использованы во все еще продолжающемся, но уходящем в ментальную сферу соперничестве Перми и Екатеринбурга. Исторически данное соперничество выросло из культурных различий «Строгановского Урала» («строгановский» регион) и «Демидовского Урала» («демидовский» регион) [Мухин, 1992, с. 11]. Об этих различиях на примере Верхней Пышмы, промышленного города в Свердловской области, говорит и А.В. Иванов: «Город живет в едином ритме с заводом "Уралэлектромедь" – рано утром сотни и тысячи заводчан спешат на работу и трудятся по строгому графику. Это – скорее от Демидовых. С другой стороны, предприятие отправляет своих работников на дополнительное обучение, строит для заводчан и жителей города спортивные комплексы, бассейны, помогает школам и делает еще массу хороших вещей. Это – от Строгановых»⁴.

Однако сегодня за Екатеринбургом бренд Демидовых закрепился не в пример бренда Строгановых в Перми основательно. Так, голосование за наименование аэропорта Кольцово прошло без видимых проблем – победил вариант «Акинфий Демидов», набравший более 120 тыс. голосов. И в самом Екатеринбурге, и в ряде мест Свердловской области установлены несколько памятников представителям рода Демидовых. Пермский край в этом отношении может противопоставить единственный памятник Павлу Строганову в Павловском, а инициатива Пермского землячества поставить памятник в краевой столице до сих пор не встретили поддержки со стороны городских властей.

Некоторый оптимизм по поводу того, что имя Строгановых все же может стать официальным региональным брендом, связан с реализацией проекта «Усолье строгановское». На его презентации в августе 2019 г. тогдашний губернатор М.Г. Решетников отметил, что это важный для Пермского края туристический и культурно-исторический объект, и сравнил его по мас-

штабу с Белогорьем⁵. Впрочем, участвующая в последние годы смена краевого руководства не позволила выстроить четкую линию в символической политике региона.

Строгановы в коллективной памяти Пермского края

У феномена «строгановский» регион существуют не столько административные границы, сколько культурные, целостность ему придает объединяющее жителей историко-культурное наследие. Информация о представлениях жителей «строгановского» региона о роде Строгановых, полученная в ходе интервью и опросов, сгруппирована по следующим позициям: «Советский след в памяти о Строгановых», «Переосмысление роли Строгановых в постсоветское время», «Строгановы в коллективной памяти жителей “строгановского” региона», «Перспективы для бренда Строгановых в Пермском крае». Если первые три группы связаны с историко-культурным фоном региональной идентичности, то четвертая – с конструированием идентичности, с перспективами рода Строгановых на роль коллективного культурного героя Пермского края.

Советский след в памяти о Строгановых

Едва ли не самая идеологизированная характеристика ранних Строгановых принадлежит советскому академику С.Г. Струмилину, заклеившему этих «пионеров грядущей буржуазии» и «рыцарей наживы» тем, что они, «торгуя при случае то своим благочестием, то патриотизмом, <...> во всех случаях преуспевали» [Струмилин, 1954, с. 132]. О том, что классовые акценты в оценке роли Строгановых в истории России и Урала напоминают о себе, свидетельствуют эксперты.

«Когда мы делали первую экспозицию и вешали портрет А.С. Строганова, там было написано – помещик, владелец 40000 крепостных душ, эксплуататор и рабовладелец. <...> Несколько десятилетий был провал в знании о Строгановых до 90-х гг., особенно среди поколения, которое родилось в советское время с 40-х до 70–80-х. Поколение, которое было из крепостной интеллигенции, хранили все в тайне»⁶.

«Раньше Строгановых называли эксплуататоры. Моя жена когда-то писала по истории края, я нашел рецензии. Ей пишут рецензенты: вы обеляете роль Строгановых»⁷.

«Когда я пришла работать была экспозиция: “Строгановы – эксплуататоры”. Висели кандалы, замученные крестьяне, фигура рабочего с тачкой: вот так они работали <...>, а о том, что на самом деле, что у нас получали за работу жалование и продуктовый набор, что их обучали, были больницы – вот об этом ничего не говорили»⁸.

«Кто-то интересуется их вниманием на просветительскую роль. А кто-то говорит, что “они народ держали, народ эксплуатировали”. Между прочим, рабочей аудитории больше интересно как жили Строгановы, что делали. А приезжая интеллигенция начинает спрашивать про эксплуататоров»⁹.

«Жителю Пермского края надо знать об истории рода Строгановых, чтоб история Строгановых никогда не повторялась. <...> Строгановы прежде всего эксплуататоры с пермской спецификой. <...> Все они имеют одну черту – империалисты. <...> Строгановы обокрали прикамские богатства и раздали за бесценок по всему миру»¹⁰.

Советский период, если воспользоваться суждением С.А. Экштута о «разрыве памяти», во многом оказался точкой разрыва, точкой забвения, точкой вытеснения исторической памяти [Экштут, 2008, с. 34] о досоветском прошлом. Однако оставались те, кто противился такому разрыву или просто не забывал. В нашем случае речь может вестись о музейщике, спрятавшем уникальный герб Строгановых, выполненный в дереве, на чердаке музея¹¹, или об учителе истории, рассказывавшем ученикам о том, что в лесопарке у с. Кува деревья высажены таким образом, что получилось имя «Софья», и это та из Строгановых, которая «освобождала от крепостного права тех, кто ей честно служил», или о старой жительнице из с. Кува, помнившей и рассказывавшей односельчанам о том, что «в день рождения Строганова выкатывали бочку – если ты рабочий 100 грамм и рыбка похуже, если мастер 150 грамм и рыбка получше. В доме для семейных был благотворительный обед. Она же рассказывала, что, когда завод закрыли, все население высыпало на плотину, завод издал длинный-длинный гудок и люди плакали»¹².

Вероятно, благодаря именно таким хранителям памяти 60% респондентов старшей возрастной группы на вопрос: «Каким было ваше первое впечатление о Строгановых», – ответили, что положительное и только 5% – отрицательное при 28% заявивших о нейтральности своего

отношения и 7% затруднившихся с ответом (в молодежной группе, соответственно, 35; 5; 53 и 7%). У усольчан имеются собственные «веские» основания для положительного воспоминания о Строгановых – «родственные связи». Так, по свидетельству В.А. Цыпуштанова, до 1987 г. к нему как директору народного музея приходили «жители и высказывали предположение, что они ведут род от самих Строгановых и от крепостных Строгановых». Впрочем, возможно, у части представителей старшей возрастной группы первоначальные впечатления оказались вытесненными последствиями переосмысления историко-культурной роли рода Строгановых, которое пришлось на 1990-е – самое начало 2000-х гг.

Переосмысление роли Строгановых в постсоветское время

Рубеж 1980-х и 1990-х гг. ознаменован не только поисками «исторической правды» обо всем отечественном прошлом, но и всплеском интереса к локальной истории в той ее части, о которой ранее говорить не полагалось. Эти перемены коснулись и оценок историко-культурного наследия Строгановых, что подтверждается мнением экспертов.

«Местным приятно, что граф называл себя Поль Очер. В советское время это замалчивалось. В 90-е годы здесь у нас все вспомнили, что есть и завод строгановский»¹³.

«Бренд Строгановых вырос из 1990-х, когда начали обращаться к предпринимательству. Но с тех пор прошло уже 20 лет, и народ хорошо узнал обо всем»¹⁴.

«Обращение к наследию Строгановых началось с 2000-х гг. Сказать, что оно сильно началось тоже не совсем верно, все поверхностно делается. Но пробуждение было. <...> Потом может время само подсказало. С уходом советской власти как-то к прошлому стали обращаться по-другому и находить положительные моменты»¹⁵.

«Баронесса (Е.А. Строганова, баронесса Элен де Людингаузен, последняя представительница рода Строгановых. – И.К., В.П..) в 2002 году приезжала со своим мужем без “свиты”. Она не ожидала, что тут помнят о Строгановых. Во второй приезд она в 2006 году взяла с собой представителей международного строгановского фонда. Спрашивала – кто были богаче Строгановы или Демидовы? Мы ответили, что Строгановы для Пермского края сделали больше. Ее приезд – это возможность прикоснуться к прошлому»¹⁶.

Данные опроса показали, что 35% респондентов старше 30 лет изменили свое отношение к Строгановым, мнение же молодых респондентов в подавляющем большинстве (81%) не менялось. Впрочем, за последние три десятилетия каких-либо новых поворотов в восприятии Строгановых не отмечено. 27% респондентов старшей группы в ответах на уточняющий вопрос: «Если мнение изменилось, то каковы были причины?» – указали: «узнал больше информации». При этом высказывались следующие суждения: «Советская идеология трактовала об этом роде как об эксплуататорах простого народа. В настоящее время (изучив литературу, источники) мнение изменилось, предпринимательская деятельность Строгановых была направлена и на благосостояние жителей края»; «В школе учили, что землевладельцы – жестокие эксплуататоры. Теперь понимаю, что дворяне были щедрыми меценатами: храмы, дороги, библиотеки, ботанические сады, музеи, образовательные учреждения и другое. Многое строилось на деньги Строгановых, Абамелек-Лазоревых, Всеволожских, Демидовых. Изменилась политика, образовательные стандарты, стали другие взгляды на историю»; «Импонирует их взгляд на развитие края»; «Узнала о поддержке строительства храмов и других объектов, узнала о поддержке Ермака, о деятельности управляющих Теплоуховых»; «Стал старше, изменилось мировоззрение»; «Когда глубже вникаешь в тему, то больше понимаешь какое значение имели Строгановы для пермской земли и России»; «Многое узнала о жизни и вкладе Строгановых в русскую культуру и развитие Прикамья. Но всё же еще недостаточно».

Строгановы в коллективной памяти жителей «строгановского» региона

В представлениях о Строгановых как объекте коллективной памяти, по мнению экспертов, преобладают положительные эмоционально-оценочные коннотации, что крайне значимо для поддержания групповой идентичности у жителей «строгановского» региона.

«Строгановы – пример прогрессивной части дворянства. Софья Строганова велела своим управляющим, чтоб крестьянам давали кредиты на строительство домов. На 20 лет под 3% годовых. Где угнетатели то? Никто сейчас такой кредит не даст. <...> Софья писала письмо ука-

зание Волегову, местному управляющему: прежде всего ты должен думать о благополучии моих крестьян. А потом уже о доходах семейных»¹⁷.

«Версия среди народа очень живуча, что среди них много потомков Строгановых. Что Воронихин потомок Строгановых»¹⁸.

«Усольчане говорят – вот у меня родственники работали у Строгановых. Они себя к Строгановым причисляют. Березниковцы, конечно, нет»¹⁹.

«Я всегда привожу пример нашим начальникам, что Сергей Григорьевич Строганов, когда состарился и стал передавать дело внуку, как он благодарил всех, с кем он работал, начиная с управляющих и ниже-ниже – всех отблагодарил»²⁰.

«Мой дед работал на заводе в Куве, с 15 лет. Дома строили так – если плохо, то заставляли переделывать. И вот сейчас они все стоят. Много нам дед не рассказывал, мы все принимали как сказки»²¹.

Одной из задач опроса «Наследие рода Строгановых в современном мире» было выявление источников информации жителей Пермского края о роде Строгановых. При анализе результатов опроса выяснилось то, что рейтинги источников информации, из которых респонденты впервые узнали о Строгановых, принципиально разные у двух рассматриваемых когорт. Так, основные источники у респондентов из старшей группы – книги (37%), музей (35%), школа (34%), у респондентов из молодежной группы – школа (55%), семья (19%), музей (14%).

Полученные данные подтверждают значимость выявления советского пласта в памяти о Строгановых и его переосмысления в постсоветский период. В частности, о том, что в советские годы информация о Строгановых не имела широкого хождения, свидетельствуют всего 7% ответов респондентов из старшей группы, при этом указывается на семью как первичный источник таких сведений. Напротив, для почти пятой части респондентов молодежной группы семья стала таким источником информации, что подтверждается всплеском интереса в первые постсоветские годы к строгановской теме у жителей «строгановского» региона.

Ведущим источником информации подрастающего поколения «строгановского» региона являются курсы локальной истории. Пионером в школьном изучении наследия рода Строгановых стал Ильинский район: «У нас появляются краеведческие программы. Есть учебник для начальной школы “Краеведческий родничок”. Там раскрывается история рода Строгановых. Может они скажут даже больше о Строгановых, чем о Ленине» (интервью с В.А. Рябковой). В 2015 г. под редакцией профессора Г.Н. Чагина вышло учебное пособие для пятых классов «Мой Пермский край», в котором основная часть материала посвящена малым городам и поселкам Прикамья и роли Строгановых в их развитии, что позволяет повысить интерес к этому дворянскому роду у подрастающего поколения и за пределами собственно «строгановского» региона.

Отвечая на вопрос: «Из каких источников Вы когда-либо получали информацию о Строгановых?», респонденты молодежной группы назвали следующие (в порядке убывания): образовательные исторические курсы (школьные и вузовские) и музеи и экскурсии – по 39%; интернет – 16%; книги – 14%; газеты и журналы – 6%; семья – 4%; фильмы и видеоролики – 3%. Отвечая на тот же вопрос, респонденты старшей группы указали следующие источники: музеи и экскурсии – 61%; книги – 57%; образовательные исторические курсы – 33%; интернет – 10%; фильмы и видеоролики – 9%; газеты и журналы – 6%; семья – 4%.

Обращает на себя внимание различие моделей приобретения новых знаний о роде Строгановых: у респондентов старшей группы – самостоятельный поиск при значительных собственных усилиях; у респондентов молодежной группы – обучение по обязательным образовательным программам при незначительных собственных усилиях (посещение музеев может быть формой получения дополнительных знаний в рамках курсов по локальной истории). При этом у обеих групп отмечается низкий уровень использования интернет-услуг для приращения знания о Строгановых, что, возможно, связано с фрагментарностью и недостаточным качеством контента интернет-ресурсов по данной теме.

Перспективы для бренда Строгановых в Пермском крае

Среди жителей «строгановского» региона, чья деятельность связана с сохранением памяти, продвижением имиджа территории, сформировалось представление о том, что прошлое Строгановых актуально, а их имя – это бренд, который можно использовать во благо развития

всего края. Эксперты оптимистично полагают, что под именем Строгановых можно успешно объединять разные категории людей.

«Со своим советским прошлым мы были никому не интересны. Еще в 2002 г. приезжал один автобус туристов в год. Со своим строгановским прошлым – около 10000 людей в год»²².

«2002 год – имя Строгановых никак не звучало. Сначала никто не понимал тут слово маркетинг и бренд. У каждой территории есть своя отправная точка. Строгановы – наша. Мы это сделали не как событие, а как маркер, который собирает всю территорию. Тут 4000 человек живет, а по моим билетам проходит 25000, не по моим 130000»²³.

«Сейчас для наших мест “Строганов” – это бренд. Он привлекает художников, архитекторов, скульпторов, и они с удовольствием сюда едут. Строгановы нам помогать начинают, уже помогают. Будущее только с родом Строгановых»²⁴.

«Израцовые печи привлекают людей и это для нас важно – связь со Строгановыми в нашей работе»²⁵.

Между тем оптимизм экспертов в отношении будущего для имени рода Строгановых в Пермском крае наталкивается на неоднозначную ситуацию, зафиксированную по результатам опроса. С одной стороны, 49% респондентов молодежной группы и 79% старшей группы на вопрос: «Есть ли у вас желание глубже познакомиться с историей и наследием рода Строгановых?» – ответили утвердительно (треть молодых респондентов не изъявила подобного желания). С другой стороны, 69% респондентов молодежной группы не заметили в последнее время в своем окружении возрастания интереса к роду Строгановых, а 44% не считают, что в будущем имя Строгановых приобретет большее значение. На изменение ситуации могут повлиять респонденты из старшей группы, 59% которых отмечают рост интереса к роду Строгановых, а 64% уверены в востребованности имени Строгановых в Пермском крае.

* * *

В коллективной памяти жителей «строгановского» региона род Строгановых занимает заметное место, сохраняя, несмотря на советский след, положительный образ. То же самое можно сказать и в отношении памяти населения всего Пермского края, хотя этот коллективный культурный герой на данной площадке конкурирует с иными историческими персонажами. Исследование показало, что Строгановых следует рассматривать не только в качестве героев прошлого, их историко-культурное наследие обладает действенным потенциалом, который можно эффективно использовать в интересах развития региона в настоящем и будущем.

В этом направлении в последние тридцать лет были сделаны конкретные шаги. Разные акторы – краевая власть, муниципалитеты «строгановского» региона, общественные организации, инициативные группы представителей культуры, образования и науки – учреждали свои мероприятия под именем Строгановых. Однако к формированию определенной политики памяти, как в соседних регионах, это не привело. Не была принята внятная региональная стратегия в данной сфере (безотносительно Строгановых), не были разработаны модели продвижения бренда культурных героев, в частности, рода Строгановых. Пока же имиджевое наследие рода Строгановых с его прочным основанием в коллективной памяти населения Прикамья ожидает формирования полноценной региональной политики памяти и имеет все шансы на презентацию в качестве «строгановского» региона всего Пермского края.

Примечания

¹ Пермские историки издали карту-путеводитель «Соль земли» // Рифей-Пермь. 2019. 4 июля. URL: http://rifey.ru/news/perm/show_id_77073 (дата обращения: 12.09.2019).

^{2, 3} Хайдарова Р. Из истории в бренд // Компаньон. 2018. 28 февр. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4585622.html> (дата обращения: 12.09.2019).

⁴ Алексей Иванов: «Верхняя Пышма пропитана духом Горнозаводской цивилизации Строгановых и Демидовых» // Грифон.инфо. URL: <http://grifoninfo.ru/news/society/20160919/23520> (дата обращения: 12.09.2019).

⁵ В Прикамье приступают к восстановлению историко-культурного комплекса «Усолье строгановское» // Сайт губернатора и правительства Пермского края. URL: <https://permkrai.ru/news/prikame-pristupayut-k-vosstanovleniyu-istoriko-kulturnogo-kompleksa-usole-stroganovskoe/> (дата обращения: 12.09.2019).

^{6, 16, 22} Интервью с В.А. Рябковой, заместителем главы администрации Ильинского района по социальным вопросам. Записано в пос. Ильинский 20.06.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.

- ^{7, 15, 18} Интервью с В.А. Цыпуштановым, краеведом, старшим научным сотрудником Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых». Записано в г. Усолье 2.07.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ^{8, 19} Интервью с О.Н. Варнаковой, старшим научным сотрудником Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Коновалова. Записано в г. Березники 2.07.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ^{9, 13} Интервью с Н.Е. Бесстрашниковым, старшим научным сотрудником Очерского краеведческого музея им. А.В. Нецветова. Записано в г. Очер 16.09.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ¹⁰ Интервью с О.П. Аксеновой, кандидатом филологических наук, пенсионеркой. Прислано из г. Кудымкар 20.04.2018 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ¹¹ Интервью с Т.С. Матяшиной, директором Добрянского историко-краеведческого музея. Записано в г. Добрянка 26.09.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ^{12, 20} Интервью с Н.С. Истоминой, научным сотрудником музея «Исток» в с. Кува. Записано в с. Кува 25.08.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ¹⁴ Интервью с С.В. Ворониным, научным сотрудником Усольского филиала Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Коновалова «Усадьба Голицыных». Записано в г. Усолье 2.07.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ¹⁷ Интервью с О.И. Отавиным, краеведом. Записано в пос. Ильинский 20.06.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ²¹ Интервью с Н.П. Малаховских, старейшей жительницей с. Кува. Записано в с. Кува 25.08.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ²³ Интервью с С.В. Хоробрых, директором Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых». Записано в г. Усолье 2.07.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ²⁴ Интервью с А.А. Зайцевым, краеведом, журналистом. Записано в г. Усолье 2.07.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.
- ²⁵ Интервью с З.Е. Калиной, заведующей керамической мастерской Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых». Записано в г. Усолье 2.07.2017 / Из личного архива В.Я. Призюка.

Библиографический список

- Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф.* Строгановские городки, острожки, села. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.
- Иванов А. В.* Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. 283 с.
- Игнатьева О. В., Лысенко О. В.* Символические ландшафты городского пространства // Пермь как стиль: Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. Пермь: Б. и., 2013. С. 100–132.
- Кобер П.* Ребрендинг строгановской цивилизации // Эксперт-Урал. 2019. № 6–7. URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-6-7-788/rebranding-stroganovskoy-civilizacii.html> (дата обращения: 12.09.2019).
- Малинова О. Ю.* Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности / под ред. О. Ю. Малиновой и др. М.: Б. и., 2017. С. 7–20.
- Малинова О. Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор История, 2018. С. 27–53.
- Мухин В. В.* «Строгановский» регион и его роль в формировании культуры дореволюционного Урала // Строгановы и Пермский край: Матер. науч. конф. Пермь: Б. и., 1992. С. 10–11.
- Назукина М. В., Сулимов К. А.* Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область // Политическая наука. 2008. №3. С. 158–175.
- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
- Сапиро Е.* Закулисье «Строгановки» // Пермское землячество. 2016. № 1. С. 18–21.
- Струмилин, С. Г.* История черной металлургии в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 534 с.
- Экштут С. А.* Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетей, 2008. 320 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.09.2019

THE STROGANOVS IN MEMORY POLITICS AND CULTURAL MEMORY OF THE 'STROGANOV' REGION RESIDENTS

I. K. Kiryanov, V. Ya. Prizyuk

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia

ikiryanov@yandex.ru

vetal_prizuk@mail.ru

The main ideas about the genus of the Stroganovs in the memory of residents of the historical "Stroganov" region are considered. The theoretical framework for the analysis is the concept of symbolic politics, and the sources used are the materials of expert interviews and the survey "The Legacy of the Stroganov family in the modern world". Since the 1990s, the Stroganovs have been included in the process of establishing a new regional policy of memory: exhibitions and scientific conferences dedicated to the Stroganovs were held, public organizations were created under their name, and mass cultural events were organized. For three decades, the Stroganovs held a leading position in the regional memory politics, but this did not lead to practical results in forming the Stroganov name as a brand. At the same time, in the cultural memory of the residents of the "Stroganov" region, the majority of the Stroganovs have a bright positive image, which is associated with the future development of the region. The method of expert interviews with people working in the field of historical heritage preservation and the authors' survey among residents of the Stroganov region revealed a certain difference in perceiving the Stroganovs: the older generation, in contrast to the youth, is generally more informed and interested in studying the history of the genus. They also more often connect prospects for the development of their territory with the Stroganovs. At the same time, those interested in promoting the Stroganov name act separately, and there is no single public centre dealing with the Stroganov heritage. The main role in forming the Stroganov identity today is played by the government, which, in turn, has not developed a unified policy on the issue.

Key words: the Stroganovs, "Stroganov" region, memory politics, cultural memory, regional identity.

References

- Ekshut, S.A. (2008), *Bitvy za hram Mnemosiny. Ocherki intellektual'noy istorii* [Battles for the Mnemosyne's temple. Essays on intellectual history], Aleteiya, Moscow, Russia, 320 p.
- Golovchanskiy, G.P. & A.F. Mel'nichuk (2005), *Stroganovskie gorodki, ostrozki, sela* [Stroganov towns, outposts, villages], Knizhnyy mir, Perm, Russia, 232 p.
- Ignatyeva, O.V. & O.V. Lysenko (2013), "Symbolic landscapes of urban space", in Lysenko, O.V. & E.G. Tregubova (eds.), *Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoy gorodskoy identichnosti* [Perm as a style. Presentations of Perm city identity], PGGPU, Perm, Russia, pp. 100–132.
- Ivanov, A.V. (2014), *Gornozavodskaya tsivilizatsiya* [The mining factory civilization], AST, Moscow, Russia, 283 p.
- Kober, P. (2019), *Rebranding stroganovskoy tsivilizatsii* [Rebranding Stroganov civilization], available at: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-6-7-788/rebranding-stroganovskoy-civilizacii.html> (accessed 12.09.2019).
- Malinova, O.Yu. (2017), "Identity politics as a struggle for meanings: The challenge of conceptualization", in Malinova, O.Yu. et al. (eds.), *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr., vyp. 5* [Symbolic politics: collection of scientific papers, iss. 5], INION RAN, Moscow, Russia, pp. 7–20.
- Malinova, O.Yu. (2018), "Politics of memory as a field of symbolic politics", in Miller, A.I. & D.V. Efremenko, (eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, pp. 27–53.
- Mukhin, V.V. (1992), "Stroganov region and its role in shaping the culture of the pre-revolutionary Urals", in *Stroganovy i Permskiy kray: materialy nauch. konf.* [Stroganov and Perm Krai. Proceedings of the scientific conference], w.p., Perm, Russia, pp. 10–11.
- Nazukina, M.V. & K.A. Sulimov (2008), "Symbolic representation of local political communities: Perm Krai and Sverdlovsk region", *Politicheskaya nauka*, № 3, pp. 158–175.
- Nora, P. (1999), "Between Memory and History: Problematics of the Places of Memory", in Nora, P. et al., *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, St. Petersburg, Russia, pp. 17–50.
- Repina, L.P. (2011), *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the 20th – 21st centuries: social theories and historiographical practice], Krug, Moscow, Russia, 559 p.
- Sapiro, E. (2016), "Behind the scenes of "Stroganovka", *Permskoe zemlyachestvo*, № 1, pp. 18–21.